УДК 94(47):36

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-38-49

«Щедроподательная мать»:
императорский двор XVIII в. как распределитель
милостей и материальной помощи

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurukin@mail.ru*

Аннотация. В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть вопрос об одной из характерных функций императорского двора в XVIII в. – систематической раздаче при Екатерине II денег, льгот и подарков. Документы царского Кабинета свидетельствуют об увеличивавшейся массе различного рода выдач и подарков придворным, военным и гражданским служащим, а также более широкому кругу просителей. Такая практика служила важным элементом социальной политики; она должна была обеспечить лояльность элиты и повысить престиж монарха среди военных и чиновничества.

Ключевые слова: Екатерина II, императорский двор, «комнатная сумма», «пенсион», денежные раздачи

Для цитирования: Курукин И.В. «Щедроподательная мать»: императорский двор XVIII в. как распределитель милостей и материальной помощи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 38–49. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-38-49

“The generously giving mother” –
the Imperial court of the 18th century
as a distributor of favors and material assistance

Igor' Kurukin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kurukin@mail.ru*

Abstract. The report is an attempt to consider the question of one of the characteristic functions of the Imperial court in the 18th century – the systematic distribution of money, benefits and gifts under Catherine II. The documents of the Imperial Cabinet testify to the increasing mass of various kinds of

© Курукин И.В., 2022

g giveaways and gifts to courtiers, military and civil servants and a wider circle of petitioners. Such a practice served as an important element of social policy; it was supposed to ensure the loyalty of the elite and increase the prestige of the monarch among the military and bureaucracy.

Keywords: Catherine II, Imperial court, “room sum”, “pension”, money distribution

For citation: Kurukin, I.V. (2022), “ ‘The generously giving mother’ – the Imperial court of the 18th century as a distributor of favors and material assistance”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 38–49, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-38-49

Уже в конце царствования Петра I статус великой державы требовал соответствующего оформления, призванного подчеркивать богатство и могущество российских государей. Согласно «Реестру придворным и дворцовым служителям» от 31 января 1725 г., двор (с конюхами и чинами ведомства дворцовой канцелярии) насчитывал почти 700 «служителей»¹. В 1727 г. на его содержание тратилось почти 200 тыс. руб.²

В 1730-е гг. оформилась структура двора и функции его подразделений. К середине века штат двора составлял 1015 человек, а при Екатерине II включал три тысячи «служителей». Одновременно повышался престиж дворцовой службы. При Анне Иоанновне высшие чины двора из IV класса Табели о рангах перешли во II, а камергеры и камер-юнкеры, ранее соответствовавшие полковникам и капитанам, были повышены до генерал-майоров и полковников; при Елизавете камер-юнкеры были приравнены к бригадирам. Соответственно росли расходы. С 1733 г. на содержание двора отпускалось 260 тыс. руб. в год и еще 100 тыс. на конюшню. При Екатерине II затраты на двор достигли 3 млн 600 тыс. руб. [Агеева 2008, с. 172–173].

Одновременно шло формирование особого органа – Кабинета, который в петровское и послепетровское время был и личной канцелярией монарха (посредством которой тот сносился с другими ведомствами и решал любые вопросы, которые считал нужным рассмотреть лично), и структурой, ведавшей обслуживанием императорской фамилии и ее повседневным обиходом.

На эти цели шел «соляной доход», который в конце 1750-х гг. достигал почти двух млн руб., но затем неуклонно снижался по

¹РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 74. Л. 471–486 об.

²Там же. Ф. 16. Оп. 1. № 22. Л. 49, 49 об., 85.

причине роста себестоимости добычи и перевозки соли и обесценивания ассигнаций. Поэтому с 1782 г. «соляной миллион» стал переводиться в Кабинет из Государственного казначейства. Другим источником личных средств государя было золото и серебро с Кольвано-Воскресенских заводов на Алтае и Нерчинских рудников, которое затем переканчивалось в монету. В 1794 г. к ежегодным суммам, получаемым от казначейств, были добавлены еще 1 млн 200 тыс. руб. (по 100 тыс. в месяц) казенных денег.

Помимо того, императорскую «комнатную сумму» пополняли 150 тыс. руб. из таможенных сборов (с 1758 г.), остаточные деньги других ведомств, вычеты у чиновников за отпуска, личное жалование императриц как полковников всех гвардейских полков, доходы с бывших «собственных вотчин» Екатерины II (существовали до 1765 г.), «мягкая рухлядь» (сибирский пушной ясак) и доходы по некоторым другим, более мелким статьям, в том числе выплаты по долгам, выданным отдельным лицам. По исследовательским оценкам, доход Кабинета к 1801 г. составил почти 5,5 млн руб., даже с учетом инфляции увеличившись за полвека в четыре с лишним раза [Кричевцев 2007, с. 118–121].

Также росли и расходы. По принятому в кабинетской документации порядку при Екатерине II они делились на постоянные («окладные», или «непременные»), «временные» и «неточно положенные» расходы, «пенсии» и «жалование». Принцип распределения по данным разделам не всегда понятен, поскольку в разделе «непременная выдача» указаны, например, расходы на содержание придворных служителей и курьеров, тогда как иные подобные выплаты присутствуют в разделе «жалование». Выдачи на обучение ряда лиц упоминаются и в разделе «временной расход», и в рубрике «пенсии» [Кричевцев 2007, с. 137].

В данном случае нас интересуют выплаты и расходы на подарки частным лицам. Рост таких расходов был вызван не только увеличением числа дворцов и «служителей». В «эпоху дворцовых переворотов» двор и стал своего рода «распределителем» пожалований «деревень» (или возвращения прежде конфискованных имений), персональных «пенсион», разного рода подарков, оплаты расходов избранных особ и нерегулярных денежных выплат из личных средств государей («комнатной суммы») порой совершенно значительным и далеким от двора лицам.

Екатерина I за короткое царствование охотно повышала в чинах, но деревни жаловала скупно: только А.Д. Меншиков получил поистине царский подарок – город Батурино с 1302 дворами и еще 2705 дворов в окрестных селах. Большинство денежных подарков составляло 100–300 руб.; порой императрица лично подносила

вельможам по чарке водки, оделяла их присланными ей из Астрахани арбузами³, а однажды распорядилась приодеть сибирского губернатора князя М.В. Долгорукова: по ее заказу для князя сшили «платье суконное с позументом» за «135 рублёв 5 алтын с денгою».

Анна Иоанновна уже целенаправленно направляла из «комнатной суммы» поток денежных выдач. Большая и лучшая часть выпадала на долю находящихся в милости должностных лиц: братьев Р.Г., К.Г. и Ф.К. Лёвенвольде, Б.Х. Миниха, А.И. Остермана, А.М. Черкасского, С.А. Салтыкова⁴. Обычными были пожалования придворным, фрейлинам на приданое или офицерам гвардии. Решения о размере, условиях выдачи (просто так или в долг) принимались индивидуально, как и об освобождении от уплаты долга или ее отсрочке. Кому-то доставались деньги на лечение, «за проезд за моря» или «для удовольствия экипажу», в то время как иные из направленных к императрице челобитных оставались без рассмотрения. Согласно ведомостям камер-цальмейстерской конторы, за девять лет (1731–1739 гг.) подобные расходы Анны составили 898 312 руб., т. е. примерно по 100 тыс. руб. в год⁵.

При Екатерине II помимо масштабных пожалований имений⁶ достигли апогея различного рода денежные и вещественные поощрения. Система пожалований была разветвленной. Одни из таких мер брали начало еще с петровских времен, как выплата «именинных» и «крестинных» денег четырем полкам лейб-гвардии (34 068 руб.) или денежные подарки фрейлинам при замужестве (обычно 12 тыс. руб.). Отдельно учитывались с 5500 руб. «на выдачи поздравителям в торжественные дни духовного и светского чина людям» и плата придворным певчим за славление в праздники Рождества и Пасхи.

Другие выплаты носили индивидуальный характер и назначались за конкретные заслуги. На первое место можно поставить императорские «пенсии», т. е. пожизненные регулярные выплаты из «комнатной суммы» помимо и независимо от официального жалования. Порой они достигали весьма крупных размеров: участник дворцового переворота 1762 г. и командующий русским флотом в Средиземном море во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. А.Г. Орлов с 1766 г. в течение тридцати лет

³Общий архив Министерства императорского двора: Описание дел и бумаг. Высочайшие повеления по придворному ведомству. 1723–1730. СПб., 1886. С. 21.

⁴РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. № 335. Л. 2 об.–3.

⁵Там же. № 182. Ч. 2. Л. 2–7 об.

⁶Приложение к камер-фурьерскому журналу 1796 года. СПб., 1897.

«секретно» получал 25 тыс. руб.; его брату и многолетнему екатерининскому фавориту после «отставки» по указу от 17 сентября 1776 г. регулярно выплачивалось до смерти 150 тыс. руб.⁷, а до того граф Григорий Григорьевич с 1767 по 1772 г. ежегодно на день рождения пополнял свой кошелек на 100 тыс. руб. из «комнатной суммы»⁸, тогда как младшему члену фамилии Ф.Г. Орлову полагалось намного меньше – всего 2160 руб. Светлейший князь Г.А. Потёмкин с 1776 г. столь же регулярно получал секретный «пенсион» в 75 тыс. руб.

Доходы менее выдающихся фаворитов государыни установить сложно. Отдельных сумм им не назначалось; «случайные люди» жили во дворце на всем готовом, и траты на них были неотделимы от личных расходов императрицы, для которых несколько раз в месяц к ней «вносились» различные, порой немалые, суммы. «Василий Степанович, внесите к нам немедленно двадцать шесть тысяч рублей», – это только одно из августейших указаний в феврале 1795 г., адресованное управляющему Кабинетом В.С. Попову⁹.

Лишь при уходе с «известной должности» любимцы получали своего рода выходное пособие. «Пётр Васильевич, от трех до четырех тысячи душ по вашему выбору в Беларусии и в Украину, да пятьдесят тысяче рублей в нынешней год и трицать тысяче рублей в будущей год с серебряным сервизом на 16 персон, надеюсь, что поправят состояние дома вашего», – так Екатерина в июне 1777 г. напоследок порадовала наскучившего ей Петра Завадовского¹⁰. Неблагодарный красавец И.Н. Римский-Корсаков получил в 1780 г. 100 тыс. руб. на оплату долгов, затем 50 тыс. руб. на покупку имения и 40 тыс. руб. на серебряный сервиз¹¹.

Прощальный подарок Екатерины неразумно решившему жениться на молодой фрейлине А.М. Дмитриеву-Мамонову был поистине царским: 23 июня 1789 г. она пожаловала бывшему любимцу 2250 душ и повелела выдать ему 100 тыс. руб. из Кабинета [Екатерина II, с. 164]¹². Последний же фаворит государыни Платон

⁷ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 13. Л. 364.

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 39. № 119, 123–130.

⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 1. № 3910. Л. 25.

¹⁰ Письма императрицы Екатерины II к графу П.В. Завадовскому (1775–1777) // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 247.

¹¹ Материалы об Иване Ивановиче Бецком // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 4. Смесь. С. 90; РГИА. Ф. 468. Оп. 39. № 68. Л. 1–3.

¹² Там же. Ф. 468. Оп. 39. № 77. Л. 1–2.

Зубов только однажды, 20 апреля 1796 г., персонально получил «во уважение отличных трудов его на пользу службы» 100 тыс. руб.¹³

Не удивляет нахождение в списке получателей «пенсион» более скромных сумм (2–5 тыс. руб.) статс-дам, камергеров и прочих чинов двора, кабинет-секретарей, штаб-офицеров гвардии, высокопоставленных и ответственных чиновников (в том числе члена Комиссии об учреждении народных училищ и инициатора школьной реформы Ф.И. Янковича) – такая практика началась еще при Анне Иоанновне. Например, статс-дама Е.Р. Дашкова не всегда ладила с государыней, но ее милостями охотно пользовалась: в 1782 г. получила 37 100 руб., а в 1784 – еще 25 000 руб. на постройку загородного дома¹⁴.

Но вместе со столичной знатью и придворными в списке получателей находились далекие от двора и ничем не примечательные персонажи: безвестные титулярные советники Козырский (300 руб. «по смерть») и Рябинкин (300 руб.), вдова казанского обер-коменданта Мансурова (300 руб.) или отставной поручик Фитингоф (100 руб.)¹⁵. В декабре 1793 г. царица пожаловала вдове коллежского советника саратовской гражданской палаты Василия Болдырева 300 руб. пожизненного «пенсiona» и 1 тыс. руб. одновременно на выплату долгов¹⁶.

Конечно, подавляющее большинство таких персонажей императрице знакомы не были. Но при ней уже существовал механизм (в лице статс-секретарей «у принятия прошений») для обработки поступавших от подданных прошений. «Алфавитный реестр челобитных», поданных в канцелярию только одного из таких служащих (и недолгого фаворита государыни) – П.В. Завадовского – свидетельствует, что с августа 1775 по май 1777 г. через руки Петра Васильевича прошли 398 обращений¹⁷. О чем просили чаще всего? О выплате задержанного жалованья, о следующем чине, о «пенсione», о пожаловании имения или хотя бы отдаче в аренду; об уплате либо в крайнем случае отсрочке уплаты долга банку или надоедливый кредиторам. Благородное дворянство той эпохи уже привыкло к изящной светской жизни и не желало себя ограничивать; к примеру, камергер с чином генерал-поручика и неудачливый заводчик граф Сергей Павлович Ягужинский удрученно сообщал

¹³ Приложение к камер-фурьерскому журналу 1796 года. СПб., 1897. С. 134.

¹⁴ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 12. Л. 52, 186.

¹⁵ Там же. № 31. Ч. 16. Л. 254.

¹⁶ Там же. № 47. Ч. 11. Л. 189.

¹⁷ Там же. Ф. 10. Оп. 1. № 604. Л. 1–35.

о своем «расстроеном состоянии» и рассчитывал на царское вспомоществование по причине ежегодного «приращения долгов».

Неизвестного звания «девки» Лукерья Комарова, Анна и Доротея Френвалдовы просили о скромном приданом в 200 руб.; уже известный к тому времени архитектор Василий Баженов желал получить награждение чином и беспроцентную ссуду в 15 тыс. руб. на десять лет, а титулярный советник Александр Турчанинов считал себя достойным пожалования в потомственные дворяне за неназванные «оказанные им услуги отечеству». Бригадир Алексей Дьяконов был явно недоволен своей «недворянской» фамилией и просил о «возобновлении старинного родового прозвища Баламатов». А кровью выслуживший дворянство боевой капитан Кретов рассчитывал на «выключение» своих братьев из податного сословия.

По ним надо было наводить справки. Далее начиналось не оставлявшее следов в источниках таинство работы секретаря или фаворита: чье прошение рассмотреть в первую очередь, а чье придержать или оставить без внимания; за кого замолвить слово. При этом надо было учитывать, кем является проситель, насколько его просьба важна и как прошение будет воспринято императрицей. По докладам выносились решения, логика которых не всегда понятна. Так, вышедший в отставку действительный статский советник, поэт Михаил Херасков получил просимый им пожизненный пенсион, а заслуженному боевому офицеру, победителю Пугачева полковнику Ивану Михельсону в пожаловании мызы «для пропитания» было отказано. Работа была хлопотной, но именно так, в «ручном режиме», реализовывались связи власти с подданными разного звания в условиях, когда аппарат управления был еще слабым и неэффективным, а получение какой-либо материальной помощи в принципе невозможным. Часто податели прошений, простые обыватели, даже не пытались решить вопрос на месте – через высокопоставленного «предстателя» и «матушку» было надежнее.

Удовлетворялись далеко не все просьбы. Однако пособия и единовременные выдачи (по «именным» или «изустным» указам Екатерины или «по письму» генерал-адъютантов) охватывали широкий круг лиц – от первых вельмож империи до отставного регистратора Барабанова, «матросской жены Петровой», «протоколита Завьялова» и даже «цыгана Григорьева», неведомо за что получившего 100 руб. Конечно, прежде всего милостями пользовались персоны известные и занимавшие ответственные посты, как вице-канцлер И.А. Остерман (40 тыс. руб. в 1777 г.), генерал-аншеф Н.И. Салтыков (10 тыс. руб. в 1786 г.), генерал-аншеф А.А. Прозоровский (6 тыс. руб. в 1790 г.), генерал-поручик Е.П. Кашкин (20 тыс. руб. в 1783 г. и 10 тыс. руб. в 1785 г.).

Однако августейшие милости распространялись не только на приближенных и фаворитов и порой, видимо, были приятными подарками или оказанием «материальной помощи»; так, государыня дала деньги на «убор покоев» в доме И.И. Бецкого (13 204 руб.), на строительство дома «в Валдаях» генерал-губернатору Тверской и Новгородской губерний Н.П. Архарову (7 тыс. руб.). В 1784 г. Екатерина заплатила учителям 2200 руб. за обучение четырех дочерей калужского губернатора П.С. Протасова. В 1791 г. 450 руб. получила неутешная вдова новолодожского городничего Прохорова, а в 1795 г. капитан Санкт-Петербургского гренадерского полка Фома Маврикий отправился для лечения ран в Италию «к теплым водам» с пожалованными на проезд 150 червонными. Императрица однажды дала деньги «в замужество придворным прачкам», а свою камер-медхен Никитину выделила особо и выдала ей целевым назначением «на кровать к свадьбе» 304 руб. 25 коп.¹⁸

Труды педагога Ф.И. Янковича по подготовке школьной реформы были вознаграждены 1500 руб. в 1782 г. и 10 тыс. руб. в 1784 г. Людям искусства платили поменьше: за работы скульптору Ф.И. Шубину и художнику Д.И. Левицкому доставалось от щедрот государыни от 500 до 1000 руб., а придворному стихописцу В.П. Петрову – по 50 руб. за оду. Иногда подобные выдачи помогали быстро решить какую-либо конкретную задачу. Например, калужский, тульский и рязанский наместник генерал-поручик М.Н. Кречетников в 1786 г. получил 1500 руб. на заведение типографии в Калуге.

Императрица за свой счет содержала в 1776–1779 гг. 14 благородных и четырех мещанских девиц и восьмерых кадетов. Иногда она отдавала чужие долги – и не только сына, великого князя Павла Петровича, и невестки (201 258 руб. в 1776–1779 гг.). Так, в 1769 г. она повелела главе Кабинета А.В. Олсуфьеву уплатить сравнительно небольшие суммы (от 100 до 1000 руб.) Дворянскому банку за четверых морских офицеров – капитанов Бешенцева и Игнатьева, лейтенанта Бахметева и мичмана Хвостова: «Не сказав откуда, прикажи внести вместо сих бедняков деньги по сему реестру в банк»¹⁹.

Пожалования были как индивидуальными, так и групповыми: придворным по праздникам, по случаю выпуска камер-пажей в офицеры гвардии, кадетам по окончании корпуса. В 1782 г. государыня подарила 1 тыс. руб. Украинскому гусарскому полку, а в 1783 г., проездом во Фридрихсгам, 2756 руб. гарнизону Выбор-

¹⁸ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 7. Л. 293; № 31. Ч. 12. Л. 174.

¹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 39. № 61. Л. 2.

га. В 1779 г. 10 тыс. руб. получили «на убор» кавалергарды; в 1776 г. 11 688 руб. пошли на мундиры гребцам и лакеям.

Отличившимся солдатам и офицерам «в награждение по случаю нынешней (Русско-шведской 1788–1790 гг. – *И. К.*) войны» в 1788 г. было выдано 50 111 руб., в 1789 – 136 428 руб., в 1790 – 99 322 руб.; еще 221 386 руб. потрачены на изготовление наградных шпаг (16 с бриллиантами и 124 без них) и 157 624 руб. за дорогие подарки-«вещи». За победное морское сражение при Роченсальме в 1789 г. все нижние чины получили 18 тыс. руб.²⁰

Наконец, особую статью расходов «комнатной суммы» составляли заказанные императрицей драгоценные изделия, предназначенные для раздач и награждений; они преимущественно заказывались целыми партиями придворным ювелирам и золотых дел мастерам, а меньшая часть покупалась у иностранных купцов. Государыня также приобретала драгоценности у своих подданных – например, у того же Потемкина. В 1783 г. она заплатила за подобные «вещи» покойного графа Н.И. Панина 71 431 руб. Судя по списку этих покупок, бывший министр иностранных дел коллекционировал дорогие часы и был изысканным модником: только бриллиантовых пуговиц у него имелось 102 штуки²¹.

Согласно составленному в 1783 г. реестру, ко двору был приобретен 341 предмет²². А в 1786 г. Екатерина указала купить вещицы «для разных подарков»²³.

Все эти драгоценности не лежали в царской сокровищнице, а раздавались: с 1 января по 1 июля 1789 г. было роздано 66 подобных подарков – склаважей, табакерок, перстней, браслетов, «цветков», часов, серёг, «бриллиантовых нитей» – всего на 98 950 руб. Естественно, презенты были неравноценны по стоимости, поскольку предназначались лицам разного статуса. Однако все они имели важный смысл: получение табакерки или перстня означало личное императорское «благоволение», поднимало статус благодетельствованного в глазах окружающих и порождало зависть равных по чину коллег к счастливцу, который получил более дорогой подарок.

В богатом на военные действия 1790 г. Екатерина должна была заплатить за драгоценности ювелирам 383 982 руб., а купцам и гофмаклеру Фоку 1 032 391 руб. – всего 1 416 373 руб. за ордена (лишь одна звезда ордена Александра Невского обошлась в 13 158 руб.),

²⁰ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 11. Л. 67, 133–137 об.

²¹ Там же. № 47. Ч. 6. Л. 240; Ч. 7. Л. 106.

²² Там же. № 252. Л. 1–43.

²³ Там же. № 47. Ч. 10. Л. 31–32.

аграфы, «цветки», табакерки, часы, трости, «склаважи», «сердечки», перстни, эполеты, браслеты, цепочки, две шпаги с бриллиантами (40 434 руб.) и 13 шпаг без бриллиантов (9425 руб.)²⁴.

Таблица

Предметы	Количество	Цена за 1 шт. (руб.)	Всего (руб.)
Табакерки «с финифтью и без финифти»	16	150–500	5200
Табакерки с бриллиантами	37	500–6000	64 400
Перстни с бриллиантами	29	200–500 (8) 500–1000 (9) 1000–2000 (8) 2000–4000 (4)	35 400
Серьги	18	350–3000	20 600
«Цветки»-эгреты	5	800–2500	7800
«Букеты»	2	3000 и 5000	8000
«Сердечки» и «браслеты»	10	150–1500	6700
«Склаважи»	6	500–4500	13 000
«Погоны»-эполеты	4	?	13 000
Набалдашники к тростям	5	800–4000	9300
«Наперники»	6	1000–2000	8300
Записные книжки	4	500–1500	4200
Золотые часы с бриллиантами	13	150–3000	10 550
<i>Итого</i>	155		206 450

В 1794 г. в честь взятия А.В. Суворовым Варшавы для него был заказан фельдмаршальский жезл (22 553 руб.), за его победы при Крупчицах и Бресте – алмазный «бант с петлицею и пуговицею на шляпу» за 85 018 руб.²⁵ Самая же роскошная награда ожидала за взятие Очакова фельдмаршала Г.А. Потёмкина: «Победоносный лавр» – венок «из бриллиантов, роз и изумрудов зделанный» стоимостью в 40 976 руб. – и украшенная бриллиантами шляпа за 200 тыс. руб.²⁶

²⁴ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 11. Л. 21–27.

²⁵ Там же. Л. 139.

²⁶ Там же. Л. 28; [Кузнецова 2000, с. 61].

По ведомости за 1776–1779 гг. на бриллиантовые и другие драгоценные вещи императрица потратила 1 475 748 руб.; еще 430 059 руб. пошло на серебряные и 53 384 руб. на фарфоровые сервизы, также служившие ценными подарками. По нашим подсчетам на основании данных «ведомостей» и «окладных книг приходу и расходу комнатной суммы»²⁷ получается, что за пять лет (1780, 1781, 1783–1785 гг.), по которым есть сопоставимые данные о расходах на «пенсии» и «в награждение», а также о секретных и прочих выдачах «на известные вашему величеству расходы», эти суммы составляли от 13 до 32% от всех трат личных денег императрицы. В 1787–1789 гг. только за «бриллиантовые вещи» было уплачено 1 032 391 руб.²⁸

Денежные раздачи составляли больше половины расходов государыни. Выдача «пенсионеров» и прочих пособий из кабинетских сумм доходила до полумиллиона рублей в год. Неудивительно, что Кабинет уже с середины 1780-х гг. имел долг Ассигнационному банку в 4,6 млн руб. Он был списан, и банк отпустил «для подкрепления Кабинета» 2 млн руб., в 1787 г. – еще столько же [Кричевцев 2007, с. 123]. Однако императрица категорически отказывалась от сокращения потока милостей даже во время финансовых трудностей. «Тут убавить нечего, хотя б и нужно было», – заявила она в январе 1788 г. [Екатерина II, с. 42].

Раздачи и прочие милости являлись важным инструментом социальной политики и формировали у подданных представление о мудрой и справедливой государыне. Оказавшихся в этом «поле притяжения» дворян они заставляли выказывать свою верность, соперничать за внимание государыни. «Подарки» привязывали их получателей к «хозяйке», тем более что они часто превосходили жалование должностных лиц, которое к тому же выплачивалось нерегулярно. Подобная практика порой порождала конфликты среди приближенных, но зато препятствовала складыванию сколько-нибудь солидарной оппозиционной «партии». В то же время стремление повысить свой статус и упрочить материальное положение порождало известное давление на вершину властной пирамиды. Вступивший на престол Павел I во многом изменил политический курс матери, но в данном вопросе поступал так же, как она. Первый год его правления был ознаменован не только массовой раздачей имений, но и заказом бриллиантовых и фарфоровых вещей для подарков на 1 019 707 руб.²⁹

²⁷ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 11. Л. 103–110 об., 189–195; Ч. 12. Л. 37–41, 314–323 об.; Ч. 13. Л. 356–372; Ч. 14. Л. 373–392 об.; Ч. 15. Л. 39–50 об.; Ч. 16. Л. 246–266 об.

²⁸ Там же. № 47. Ч. 11. Л. 31.

²⁹ Там же. Л. 246.

Литература

- Агеева 2008 – *Агеева О.Г.* Императорский двор России: 1700–1796 годы. М., 2008. 379 с.
- Екатерина II – Екатерина II: Искусство управлять / А.В. Храповицкий, А.М. Грибовский, Р. Дама. М., 2008. 650 с.
- Кричевцев 2007 – *Кричевцев М.В.* Императорский кабинет: ведомство личной канцелярии российского монарха: 1741–1801. Новосибирск, 2007. 247 с.
- Кузнецова 2000 – *Кузнецова Л.К.* О фельдмаршальском жезле в коллекции Алмазного фонда // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга: Краткое содерж. докл. СПб., 2000. 62 с.

References

- Agееva, O.G. (2008), *Imperatorskii dvor Rossii: 1700–1796 gody* [The Imperial Court of Russia: 1700–1796], Moscow, Russia.
- Khrapovitskii, A.V., Gribovskii, A.M. and Dama, R. (2008), *Ekaterina II: Iskusstvo upravlyat'* [Catherine II. The Art of Governing], Moscow, Russia.
- Krichevcev, M.V. (2007), *Imperatorskii kabinet: vedomstvo lichnoi kantselyarii rossiiskogo monarkha, 1741–1801* [The Imperial Cabinet. Department of the Personal Office of the Russian Monarch, 1741–1801], Novosibirsk, Russia.
- Kuznetsova, L.K. (2000), “About the Field Marshal’s Staff in the Diamond Fund”, *Ermitazhnye chteniya pamyati V.F. Levinsona-Lessinga: Kratkoe sodержanie dokladov* [On the Fieldmarshal’s Baton in the Diamond Fund. The Hermitage V.F. Levinson-Lessing Conference. Summary of the Report], Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor' V. Kurukin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russia; kurukin@mail.ru